

«ВОСПОМИНАНИЕ»

Стихотворение «Воспоминание» написано в 1828 г. и имеет в рукописи дату «19 мая». Касаясь обстоятельств того периода жизни Пушкина, когда оно было создано, П. В. Анненков писал: «В это время существование Пушкина делается порывистым и беспокойным. Месяц тому назад Пушкин, вероятно утомленный столичной жизнью, просил позволения участвовать в открывшейся тогда кампании против турок, но, разумеется, желание его не могло исполниться <...> Мысли его становятся тревожны и смутны в это время, и часто возвращается он к самому себе, с грустью, упреком и мрачным настроением духа. Стихотворения: „Воспоминание“ написано 19 мая, „Дар напрасный“ — 26 мая, а за ними следовало „Снова тучи надо мною...“».¹

Объединив в один психологический цикл три стихотворения, в которых так явно выражена глубочайшая тоска Пушкина весной 1828 г., Анненков глухо и предположительно ссылается на «столичную жизнь», сделавшую существование поэта «порывистым» и «беспокойным». Многие обстоятельства этой жизни теперь известны. Полтора года отделяют этот цикл стихов, самый мрачный и безнадежный во всей лирике Пушкина, от его возвращения из ссылки и от тех надежд, которые продиктовали строки «Стансов»: «В надежде славы и добра Гляжу вперед я без боязни» — и оптимистические слова в письме к Н. М. Языкову: «Царь освободил меня от цензуры. Он сам мой цензор. Выгода, конечно, необъятная. Таким образом, Годунова тиснем» (9 ноября 1826 г. — XIII, 305).

«Надежды» Пушкина на «славу и добро» оказались иллюзорными. Издевательский отказ в разрешении печатать «Бориса Годунова», мелочная опека Бенкендорфа, отказы в поездках за границу и в Дунайскую армию в апреле 1828 г. — все это показывало, что отношения с правительством сложились не так, как представлял себе поэт. Из ссыльного он превратился в поднадзорного. «Стансы» не были поняты публикой и наметили кон-

¹ П. В. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855, стр. 200—201.

фликт с друзьями. Не окончились и мытарства, вызванные «Андреем Шеньев»: начатое еще в январе 1827 г., дело о распространении стихов «На 14 декабря» должно было решаться в Сенате 11 июня 1828 г., но, по-видимому, еще до этого Пушкин «не мог не заметить отчужденного отношения к нему людей, частных к правительству».² Среди этих людей был и А. Н. Оленин, к дочери которого сватался поэт.³

К 1828 г. начала выявляться творческая изоляция Пушкина. Журнальная пресса чаще всего замалчивала его новые произведения или обнаруживала полное непонимание его эстетической позиции. Это были первые признаки наметившегося расхождения между поэтом и публикой, того процесса, о котором позже писал Вяземский: «По мере созревания и усиливающейся мужественности таланта своего он соразмерно утрачивал чары, коими опаивал молодые поколения и нашу бессознательную и слабоголовую критику».⁴

К неприятностям политического и общественного характера присоединялась и личная неустроенность. «Сердце мое совершенно вульгарно и склонности у меня вполне мещанские», — писал Пушкин Е. М. Хитрово (письмо от августа—октября 1828 г. — XIV, 32 и 391). Стремление к семейной устойчивости пока было неосуществимо. За неудачным сватовством к С. Ф. Пушкиной следовало безответное увлечение А. А. Олениной. Ее дневник, опубликованный в 1958 г., свидетельствует о полном равнодушии к поэту.⁵ И хотя в сватовстве Пушкину было отказано позднее, у него были основания сомневаться в возможности «мещанского» счастья. Политические гонения, трагическое ощущение своего одиночества — все это вызывало внутреннюю смуту, которая и была психологическим фоном «Воспоминания».

Беловой автограф «Воспоминания» не сохранился. Черновой, без заглавия, со многими поправками и переделкой отдельных строф, находится в тетради ПД, № 838. Начальные строки этого текста написаны крупным, «беловым» почерком, т. е., по-видимому, переписаны с другого, более раннего и неизвестного нам черновика. В процессе писания этот перебеленный текст вновь подвергся значительной переработке. Автограф занимает листы 13₂, 14₁, 14₂ тетради, а на л. 13₁ на свободном месте записаны два слова: «Бессонница» и «Предчувствие». Это намеченные темы

² А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах, т. II. М., Гослитиздат, 1959, стр. 704 (комментарий Т. Г. Цявловской).

³ См.: Ф. Я. Прийма. Пушкин и кружок А. Н. Оленина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 229—246.

⁴ П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. II. СПб., 1879, стр. 371.

⁵ Т. Г. Цявловская. Дневник А. А. Олениной. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 258.

двух стихотворений, вызванных одним и тем же «приступом хандры». Вскоре после «Бессонницы» (т. е. «Воспоминания») было написано «Предчувствие», черновой автограф которого занимает лл. 13, 15 и 17 той же тетради и датируется приблизительно июнем 1828 г.⁶ Оба стихотворения были напечатаны в «Северных цветах» на 1829 г. Перед публикацией «Воспоминания» Пушкин внес в него дополнительно некоторые изменения. В выборе заглавия для стихотворения он колебался — на л. 13₁ тетради оно записано как «Бессонница», а в список стихотворений, предназначенных для печати, составленный в конце мая—июне 1828 г., внесено под названием «Бдение».⁷

В рукописи после последнего стиха «Но строк печальных не смываю» следует запутанный и недоработанный черновик продолжения, из которого с трудом извлекается текст. Впервые этот черновик был прочтен Анненковым, который поместил его в комментариях к стихотворению.⁸ Текст, извлеченный Анненковым, перепечатывался следующими издателями Пушкина, но уже не в комментариях, а как продолжение основного текста. Г. Н. Геннади в первом своем издании Пушкина (1859) отметил, что этот текст не входит в состав напечатанного Пушкиным стихотворения, но затем (в издании 1870 г.) убрал примечание и стал печатать черновой текст вместе с опубликованным, лишь после звездочки. В таком виде (со звездочкой) это стихотворение перепечатывалось П. Я. Ефремовым, П. О. Морозовым, Л. И. Поливановым, и только в издании С. А. Венгерова стихотворение разделено на две части, обозначенные римскими цифрами. После цифр, перед текстом, даны примечания: «Начало стихотворения, напечатанное Пушкиным в „Сев. Цветах“ и в изд. 1829 г.» и «Конец стихотворения, не отданный Пушкиным в печать, очевидно, по интимности его».⁹

Текст черновика, напечатанный Анненковым, впервые был подвергнут сомнению Б. В. Томашевским, как «текст неполный, приблизительный, гадательный и в некоторой части разрушающий оригинал (неверный размер двух стихов)».¹⁰ Томашевский

⁶ А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах, т. II, стр. 703 (комментарий Т. Г. Цявловской).

⁷ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 241—243.

⁸ П. В. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина, стр. 197.

⁹ Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. II. СПб., 1908, стр. 491.

¹⁰ Б. В. Томашевский. Писатель и книга. Очерк текстологии. Л., «Прибой», 1928, стр. 175. Одну из этих ошибок в метре («И сердцу вновь наносит кладный свет» — пять стоп вместо шести) Брюсов привел в пример того, что «при всем чутье Пушкина к стиху ему случалось ошибаться в счете стоп» (см. его статью «Стихотворная техника Пушкина» в кн.: Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. VI. Пгр., 1915, стр. 361). На самом деле, как отметил Томашевский, этот стих напи-

дал новое прочтение черновика и дополнил его пропущенным у Анненкова четверостишием. Вариант, предложенный Томашевским, с небольшими изменениями был принят Н. В. Измайловым в академическом издании (III, 651), где он напечатан в разделе «Другие редакции и варианты».¹¹ Здесь же выделена из черновика первоначальная редакция стихотворения.¹²

Законченная и напечатанная Пушкиным часть стихотворения состоит из 16 стихов без графического деления на четверостишия; таким образом, все стихотворение представляет как бы единый эмоциональный комплекс. Оно распадается на три логические части: первые четыре строки — обстановка, время действия, следующие восемь — процесс воспоминания, заключительные четыре строки — вывод, отношение поэта к пережитому.

Окончательная форма стихотворения была найдена не сразу. Сперва оно носило повествовательный характер:

Умолкнул шумный день — и тихо налегла
Немая ночь на стогны града,
Полупрозрачная нисходит с нею мгла.

Повествовательная интонация нарушалась только в стихе, вводящем центральный образ — воспоминание. Он был построен в форме вопроса-упрека:

Воспоминание, зачем ты предо мной
Свой длинный [вариант: «мрачный»] развиваешь свиток?

Отношение поэта к своему прошлому было однозначным: он скорбел и раскаивался: «И содрогаюсь и <стих не дописан> И стону жалобно, <и горько> слезы лью Над <пропуск> строками». В той же медлительной, плавной интонации была выдержана и недоработанная вторая часть. Это монолог-исповедь, горестный рассказ о своей жизни. Заключительные стихи о двух ангелах читались в таком виде: «И мертвую любовь питает (вариант: «сменила») их огнем Неумирающая злоба».

Потом форма всего стихотворения была резко изменена. Спокойное, статичное изображение обстановки сменилось контрастным построением: «для смертного», т. е. для любого человека, и «для меня». Обязательное, ритмичное течение жизни, когда

сан Пушкиным с пропуском одного слова: «Вновь сердцу — — наносит хладный свет».

¹¹ Несколько вариантов первой и второй части напечатаны П. О. Морозовым (А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. II. СПб., «Промсвещение», 1903, стр. 433). Полнее и точнее они напечатаны Б. В. Томашевским (Б. В. Томашевский. Писатель и книга, стр. 173—175) и М. А. Цявловским (в кн.: А. С. Пушкин. Собрание сочинений, т. II. Л., Госиздат, 1930, стр. 278).

¹² Ср.: Новый мир, 1937, № 1, стр. 7—8.

день сменяется ночью, шум — тишиной, труд — отдыхом, для поэта нарушено. Из звена выпал один компонент — сон, и равновесие исчезло. Тишина ночи и физическое бездействие возбуждают деятельность мысли и толкают к самоанализу. В окончательном тексте исчезает и упрек «зачем». Воспоминание возникает как неизбежность, как обязательное порождение «ума, подавленного тоской» и ночной тишины (поэтому оно «безмолвно»). Изменены и последние строки, появляется заключительный стих: «Но строк печальных не смываю» (т. е. не хочу смыть). Сперва было «заветных» (т. е. тайных, скрываемых), потом их заменило более определенное «печальных».

Душевные муки поэта, его горестное ощущение даны не как временное состояние, вызванное единичным ночным бдением, а как постоянный эмоциональный фон его бытия в эти тягостные дни. «Змеи сердечной угрызенья» не появляются, а лишь «живей горят» «в бездействии ночном», в «часы томительного бдения». Таким образом, стихотворение передает психологическое состояние поэта во время воспоминания, но сами воспоминания остаются за текстом, мы не знаем, что видит поэт на свитке, однако его настроение («ум, подавленный тоской» и пр.) и «отвращение», с которым он относится к своему прошлому, говорят, что воспоминания эти тягостны. Пропуск самих воспоминаний, т. е. промежуточного звена между состоянием поэта и конечным выводом «строк печальных не смываю», повышает экспрессивную силу стихотворения, незаполненное пространство многогранно и многозначительно.

Все стихотворение построено на едином эмоциональном потоке, выдержано в едином ритме, поэтому особую остроту придает ему неожиданный слом экспрессии в заключительном стихе. Синтаксически это выражено присоединительно-противительным союзом «но» («Но строк печальных не смываю»), эмоционально ощущается как заключительный вывод, итог пережитого. Воспоминания тягостны, но поэт не отказывается от своего прошлого. Последняя строка как бы конденсирует его воспоминания в частности жизненного опыта. Поэту нужен многогранный опыт действительности, в котором может быть и прекрасное, и дурное, и чреватое гибелью. Воспоминание о прошлом — это и эмоциональный итог прожитой жизни (он же источник вдохновения), и одновременно очищение личности в горниле самоанализа. Слово «смертный», найденное Пушкиным в окончательной редакции, вызывает круг ассоциаций, связанных с пониманием недолговечности жизни и неизбежности смерти. Дилемма жизни и смерти, заложённая в этом слове, разрешается в последнем стихе как предпосылка нравственной самооценки.

Представлению о значительности происходящего соответствует весь ритмический и синтаксический строй стихотворения. Замедленный, торжественный шестистопный ямб перемежается с более

энергичным — четырехстопным. Чередование длинных и коротких стихов придает стихотворению взволнованность, соответствующую интимному душевному настрою поэта. Стихотворение не делится на отдельные строфы, и, хотя по чередованию рифм оно состоит из четверостиший, «купюры смысловые (а вместе и фонетические) в большинстве случаев не совпадают с границами этих четверостиший».¹³ Такое строение подчеркивает общность эмоционального ключа и содержания всех его шестнадцати строк. Значительность часов ночного бдения, когда, оставшись наедине с собой, «смертный» судит себя судом своей совести, подчеркнута также возвышенной, несколько архаичной лексикой, проходящей через все стихотворение («стогны града», «бдения», «влачатся»). С библейской фразеологией скорби и страдания ассоциируется и образное выражение скорби: «И горько жалуясь, и горько слезы лью».¹⁴ Композиционно стихотворение совершенно и не ощущается как незаконченное. Поэт прошел мысленной памятью строки длинного свитка воспоминаний, и конечные строки подводят этому итог.

Вторая часть стихотворения, оставшаяся недоработанной, является его психологической основой. «Строки», которые поэт видит на свитке воспоминаний, получают здесь конкретное воплощение. Воспоминание о прошлом — это и непосредственные обстоятельства, при которых создавалось все стихотворение, и одновременно содержание его второй части. Вторая часть является как бы «записками» о жизни в ее наиболее значимых моментах, своеобразным фоном, в котором сходятся эмоциональные комплексы переживаний Пушкина. Родившиеся в период душевной депрессии, эти стихи отбирают из суммы жизненных впечатлений моменты острые, кризисные, вернее, такие, которые ощущаются поэтом как острые и трагические. В этом черновом наброске все биографично, каждая строка относится к определенному периоду жизни Пушкина, заключает вполне определенные пережитые жизненные факты и впечатления.

Первое четверостишие — этапы жизненного пути. Сперва годы, «утраченные» «в праздности, в неистовых пирах» и «в безумстве гибельной свободы» (первоначальный вариант: «ветреной»). Это Петербург с его кутежами, беспечностью и свободолобивыми идеалами. Первый вариант эпитета к слову «свобода» («ветренная») подчеркивает неопределенность этих идеалов для самого Пушкина, окончательный вариант («гибельная») — их конечный результат для «друзей, братьев, товарищей». Потом годы ссылки — «в неволе, бедности, в гоненьи и в степях» (вариант: «в изгнании,

¹³ Л. В. Щерба. Опыты лингвистического толкования стихотворений. 1. «Воспоминание» Пушкина. — В кн.: Русская речь, вып. 1. Пгр., 1923, стр. 35.

¹⁴ Отмечено Н. Л. Степановым, см.: Н. Л. Степанов. Лирика Пушкина. М., «Сов. писатель», 1959, стр. 373.

в бедности, под стражей и в степях). В сознании поэта материальная неустроенность («бедность») в этот период жизни связывалась с его положением ссылке. «Вы знаете, — писал он Казначееву 22 мая 1824 г., — что только в Москве или П.<етер>Б.<урге> можно вести книжный торг, ибо только там находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно должен отказываться от самых выгодных предложений единственно по той причине, что нахожусь за 200 в.<ерст> от столиц» (XIII, 93).

Второе четверостишие хронологически продолжает первое и раскрывает отношения поэта с «друзьями» и «светом». Драматизм этой строфы обусловлен страшной достоверностью переживания. Друзей «предательский привет» и «неотразимые обиды» — это выстраданная правда, выстраданная потому, что Пушкин был всегда верен дружбе и привык расплачиваться с обидчиками. Это свойство характера в конечном счете стоило ему жизни. Поэт пишет: «Я слышу *вновь* друзей предательский привет». С какими обстоятельствами связано это новое для Пушкина предательство дружбы, мы не знаем. Однако известно, что из его памяти долго не уходили козни Александра Раевского, приведшие к высылке поэта из Одессы. Сам влюбленный в Е. К. Воронцову, Раевский, по словам Вигеля, сыграл роль «неверного друга Яго»,¹⁵ посвятив Воронцова в отношения поэта с его женой. Способствовав таким образом ссылке Пушкина, Раевский 21 августа 1824 г. послал поэту «предательский привет» — письмо, в котором, помимо лицемерных сожалений и последних одесских новостей, содержались упреки в «недостаточном уважении к религии» (XIII, 106 и 529). Известно, что именно неосторожные строки об «уроках чистого афеизма» (XIII, 92) в письме к Кюхельбекеру были официальным поводом высылки Пушкина, и новое напоминание о его религиозном свободомыслии в дружеском письме носило характер доноса. Ответом Пушкина на это письмо Раевского было одно из самых «прозительных» его стихотворений — «Коварность».

«Неотразимые обиды» конкретизируются в третьей строфе («жужжанье клеветы», «решенья глупости лукавой», «шепот зависти и легкой суеты укор веселый и кровавый») и имеют также вполне определенный биографический подтекст. Перед отъездом Пушкина в ссылку на «чердаке» князя Шаховского родилась сплетня, будто поэта высекли в Тайной канцелярии. Даже спустя несколько лет он негодовал при мысли, что поздно узнал об этой оскорбительной клевете и не отомстил сразу же. Теперь по столицам ползла новая клевета — распространялись слухи о малодушии Пушкина, обвинения «в ласкательстве, наушничестве и шпионстве перед государем».¹⁶ Враги были безвестны, безличны,

¹⁵ Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. VI. М., 1892, стр. 171.

¹⁶ С. П. Шевырев. Воспоминания о Пушкине. — В кн.: Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 330.

поэтому и назвал поэт свои обиды «неотразимыми». Журнальные отзеты свидетельствовали о полном непонимании творческих задач Пушкина и вызвали его раздражение. Среди этих «решений глупости» и «шепота зависти» основным было требование дидактического морализма.¹⁷

Окружавшей поэта «суете» были подвержены и самые близкие его друзья. Отношение друзей к душевной драме Пушкина в тяжелый, кризисный период 1828—1829 гг. во многом напоминает преддверные месяцы, и самый эпитет «легкой» суеты перекликается с письмом С. Н. Карамзиной, написанном в день смерти Пушкина: «А я-то так легко говорила тебе об этой горестной драме в прошлую среду».¹⁸ Как и тогда, поведение Пушкина было непонятным для самых близких к нему, самых проникательных людей: «Пушкин также полудикий в самолюбии своем, и в разговоре, в спорах, были у него сшибки задорные» (письмо Вяземского жене от 27 марта 1828 г.); «Пушкин дуется, хмурится, как погода, как любовь» (письмо Вяземского жене от 26 мая 1828 г.); «По словам его, он опять привлюбляется. Вообще, кажется, нет в нем прежней тоски, и он менее играет комедию» (письмо Вяземского жене от 19 декабря 1828 г.); «Пушкин в настоящую минуту карабкается по Кавказу; это новое безумство, которое взбрело ему в голову; что касается нас, то мы мало сожалели о его отъезде, потому что он стал неприятно утрюмым в обществе, проводя дни и ночи за игрой, с мрачной яростью, как говорят <...> Каждое новое известие о нем доказывает, что он никогда не вернется на хорошую дорогу, и вызывает огорчение» (письмо С. Н. Карамзиной Вяземскому от 20 марта 1829 г.).¹⁹ Первоначально вместо «легкой суеты укор веселый и кровавый» в рукописи было «укор жестокий и кровавый», т. е. «укор» определялся с точки зрения объекта — самого Пушкина. Второй вариант более объемный: «веселый» для тех, кто ранит, и «кровавый» для ранимого. Эти «указы суеты», передаваемые часто с шутилой легкостью, терзали душу поэта, заставляли ее кровоточить.

Последнее четверостишие — воспоминание о двух «тенях милых», о женщинах, которые любили поэта. Кто эти женщины? Обе, конечно, умерли, иначе «тайны гроба» были бы для них недоступны. Традиция, идущая от Анненкова,²⁰ связывает одну из них с именем Амалии Ризнич. Однако Щеголев, анализируя характер отношений Пушкина и Ризнич на основании посвящен-

¹⁷ В. Б. Сандомирская. Прижизненная критика. — В кн.: Итоги и проблемы пушкиноведения. М.—Л., «Наука», 1966, стр. 24—28.

¹⁸ Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, стр. 167.

¹⁹ Литературное наследство, т. 58, М.—Л., Изд. АН СССР, 1952, стр. 75, 80, 85, 88—89.

²⁰ П. В. Анненков. А. С. Пушкин в александровскую эпоху. 1799—1826. СПб., 1874, стр. 244.

ных ей стихов («Простишь ли мне ревнивые мечты», «Под небом голубым страны своей родной», XV и XVI строфы шестой главы «Евгения Онегина», оставшиеся в рукописи), пришел к выводу, что «ее-то он (Пушкин, — Я. Л.) уж ни в коем случае не мог взять в ангелы-хранители».²¹ Тот же Щеголев считал возможным видеть в образе ангелов поэтическую метафору. «В таком случае, — писал он, — пожалуй, поиски за мстящими тенями оказываются лишними». С этим вряд ли можно согласиться. Вторая часть стихотворения — это «свиток воспоминаний», т. е. вся она соотносится с конкретными событиями и фактами жизни поэта. Любовь к Ризнич была действительно опустошительной страстью, поэт платил за нее тяжелым «напряжением любви», «томительной тоской, безумством и мученьем» (см. «Простишь ли мне ревнивые мечты»), и Щеголев прав, что раскаяние поэта не может относиться к живой Ризнич. Однако оно могло быть связано с воспоминанием о мертвой. «Из равнодушных уст я слышал смерти весть И равнодушно ей внимал я», — написал поэт в элегии «Под небом голубым страны своей родной», узнав о горестной судьбе Ризнич. В элегии выражено не только равнодушие к смерти бывшей возлюбленной, но и осуждение ее «легковерной тени». Такая реакция на смерть, независимо от причин, ее вызвавших, могла обернуться позднейшим раскаянием.

Труднее сказать что-нибудь о прообразе второй «тени». Убедительно предположение Т. Г. Цявловской, что с этой же женщиной, имени которой мы не знаем и, возможно, не узнаем никогда, связаны «Заклинание» и строки «Бахчисарайского фонтана» («Я помню столь же милый взгляд И красоту еще земную»)²² Но и не зная, кто эти «тени милые», можно сказать, что строки, им посвященные, отражают значительные эпизоды в истории внутренней жизни поэта и являются сгустком душевной горечи. Поэт выступает по отношению к себе носителем высшей справедливости — судит себя тем же судом, что и судимых им самим друзей и недругов. Тот, кого предавали и кому «на играх Вакха и Киприды» наносились «неотразимые обиды», сам был подвержен «легкой суете» и также ветрено мог ранить других. Сознание вины, теперь уже непоправимой, потому что между ним и этими женщинами легла «недоступная черта» — смерть, и есть та «мечь», которой карают его воспоминания о любви. Мотивом кары и заканчивалась вторая часть в первом варианте:

И мертвую любовь питает их огнем
Неумирающая злоба.

²¹ П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е. М.—Л., Гослитиздат, 1931, стр. 275.

²² Т. Г. Цявловская. Неясные места биографии Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IV. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 44—45.

Тягостное воспоминание о любви, запоздалое раскаяние и сознание непоправимости нанесенных обид приводят к мысли о «тайнах гроба», т. е. о смерти.

Окончательная формула последнего стиха была найдена не сразу. Сперва вместо «И мертвую любовь питает их огнем Неумирающая злоба» появляется вариант: «И оба говорят мне внят-ным языком О тайнах вечности и гроба»; затем вносятся последние исправления: «внятным» заменяется на «мертвым», а «вечности и гроба» — на «счастья и гроба». Этот стих вызывал недоумение и противоречивые толкования. М. О. Гершензон видел в нем доказательство религиозности Пушкина,²³ Н. Л. Степанов, наоборот, пытается отвести от поэта возможные упреки в мистицизме. «О „тайнах гроба“ говорит не сам поэт, — пишет он, — это голоса „милых теней“, Пушкин же при всей трагичности итогов пережитого противостоит этим „теням“, этому миру призраков».²⁴ Между тем в этой строке нет ни «мира призраков», ни мистических тайн гроба. Есть мысль о конечности жизненного пути и о невозможности счастья. «Тайны гроба» — это и метафорическое обозначение смерти, и как бы крайняя точка той нравственной шкалы, которой измеряется человеческая личность. «Тайны счастья» — это его непостижимость, недоступность. Счастье связывалось у Пушкина с прочной любовью и душевным покоем. Мысль о невозможности счастья волновала его постоянно. «В вопросе счастья я атеист; я не верую в него» (письмо П. А. Осиповой от 5 (?) ноября 1830 г. — XIV, 123); «Черт догадал меня бредить о счастье, как будто я для него создан» (письмо П. А. Плетневу от 31 августа 1830 г. — XIV, 110); «Ах, что за проклятая штука счастье» (письмо В. Ф. Вяземской в последних числах августа 1830 г. — XIV, 110). С любовью и счастьем связано отношение к жизни, ощущение ее значительности и ценности. Дон Гуан говорит Доне Анне: «С той поры лишь (т. е. когда он увидел ее и полюбил, — Я. Л.) только знаю цену Мгновенной жизни, только с той поры И понял я, что значит слово Счастье».²⁵ Недоступность счастья обесценивает жизнь.

В последнем варианте заключительная строка ближе подводит личные переживания к тому обобщенному смыслу, который приобрело стихотворение в окончательном виде. Самоанализ, пересмотр пережитого и пройденного оказывается необходимой предпосылкой для общих размышлений о цели и сущности жизни.

Почему же конец был отброшен Пушкиным и остался недо-работанным? Большинство исследователей считают, что причиной

²³ См.: М. О. Гершензон. Тень Пушкина. — В кн.: М. О. Гершензон. Статьи о Пушкине. М., Изд. Гос. Акад. худож. наук, 1926, стр. 70, 84.

²⁴ Н. Л. Степанов. Лирика Пушкина, стр. 374.

²⁵ См.: А. А. Ахматова. «Каменный гость» Пушкина. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 191.

является интимность его, т. е. «ясность намеков на прошлое, упреки друзьям, автобиографические признания».²⁶ Однако уже Анненков писал, что обе части стихотворения преследуют разные цели. В первой части «кончается исповедь для света, но Пушкин еще продолжает ее, уже не из потребности творчества, а из потребности высказаться и полнее определить себя», т. е. Анненкову было ясно, что стихотворение, напечатанное в «Северных цветах» на 1829 г., исчерпало «потребность творчества», или творческий замысел, и было, следовательно, произведением вполне законченным, а черновые строфы, возникшие «из потребности высказаться», явились для Пушкина психологической разрядкой. Отказавшись от доработки этих строф, Пушкин достиг большей обобщенности. Вместо «выражения чувств отдельного лица» стихотворение стало «общим выражением чувства человеческого». Это отвечало эстетической требовательности поэта. «Так пиеса эта, — заключает Анненков, — представляет нам образец художнического очищения произведений и вместе их родства с душой поэта».²⁷ Дополнительные строфы «Воспоминания» действительно открывают «родство» стихотворения с «душой поэта», т. е. сопутствуют стихотворению и комментируют его, но не продолжают.

Точку зрения Анненкова, но с оговоркой, разделял Томашевский. Высказав предположение, что Пушкин мог отбросить конец «по интимности», он тут же поставил это под сомнение: «Еще неизвестно, насколько основательна эта догадка об „интимности“ как решающем поводе. Быть может, здесь играли роль и мотивы чисто эстетические: придание стихотворению большей сжатости, выразительности и общности путем устранения перечня личных воспоминаний».²⁸ Противоположную позицию занимает Н. Л. Степанов, который считает, что обе части «существуют как единое целое, смысл которого уясняется, когда оно рассматривается в своем единстве».²⁹ Исходя из этого, он ставит под сомнение принятый способ печатания, когда первая часть включается в состав основного корпуса стихотворений, а вторая — в дополнения.

Насколько правомерно связывать отказ Пушкина от публикации второй части с ее «интимностью» и как понимать эту «интимность»? «Воспоминание» принято называть «покаянным псалмом»³⁰ Пушкина: «Змея сердечной угрызенья» понимаются только как угрызения совести, а «отвращение» — как отвращение

²⁶ Н. Сумцов. Этюды об А. С. Пушкине, вып. IV—V. Варшава, 1896, стр. 23. Ср.: Н. Сумцов. А. С. Пушкин. Харьков, 1900, стр. 141.

²⁷ П. В. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина, стр. 197.

²⁸ Б. В. Томашевский. Писатель и книга, стр. 176.

²⁹ Н. Л. Степанов. Лирика Пушкина, стр. 365.

³⁰ П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина, стр. 242.

к своим поступкам. Так воспринимал «Воспоминание» Л. Н. Толстой,³¹ так, кроме Щеголева, понимали его М. О. Гершензон и другие исследователи.³² На натянутость такого толкования обратил внимание В. Вересаев.³³ Действительно, если считать ведущей эмоциональной нотой стихотворения раскаяние, то такие стихи, как «проклиная и горько жалуюсь» и «строки печальных не смываю», должны казаться неточными.

Психологический подтекст стихотворения — его вторая часть — содержит не покаяние, а рассказ о прожитой жизни и ее оценке. С раскаянием связываются поступки неблагоприятные, но зависящие от воли самого человека. Такие поступки называются — это «праздность», «нейстовые пиры», наконец обиды, нанесенные двум женщинам. Но на другой чаше весов отношения с сильными мира сего, с «хладным светом» и друзьями. И здесь поэт оказывается стороной страдательной. Он был в неволе, он был беден, он испытывал «неотразимые обиды», приветы его друзей были предательскими, его не понимала публика, преследовали «решенья глупости», «жужжанье клеветы» и т. д. Все это терзало его душу, говорило о невозможности счастья, навредило на размышления о жизненном итоге, о смерти, но не могло вызвать раскаяния. С личными невзгодами связано и осознание вины перед двумя женщинами. Чем больше «неумирающей злобы» видит поэт вокруг себя, тем строже он сам себя судит. Этот нравственный суд и есть тот огонь, который разжигает, «плетает» воспоминания об ушедшей любви.

Все «интимные» моменты этого стихотворения, даже отдельные жгучие строки «свитка» не раз выносились Пушкиным на суд публики. Он жалел о «потерянной младости» в пирах, среди «изменниц младых», признавался в ветреной любви, скорбел о своем изгнании и жаловался на забывчивость друзей. Уязвленные чувства, горестные эмоции искали выхода в творчестве. Мотивы гонения, измены друзей, клеветы входили в стихи часто с прямым указанием на обстоятельства, широко известные читателям: «Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем; Я жертва клеветы и мстительных невежд»; «Когда я погибал, безвинный, безотрадный, И шепот клеветы внимал со всех сторон» (посвящение «Кавказского пленника»). Современники знали и «мстительных невежд», и суть «клеветы», и от кого она исходила.

³¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. XXXIV. М., Гослитиздат, 1952, стр. 345.

³² М. О. Гершензон писал о «пламенных признаниях», где Пушкин «дал волю своему стыду и своему раскаянию» (М. О. Гершензон. *Мудрость Пушкина*. М., Книгоиздательство писателей в Москве, 1919, стр. 74). Д. Д. Благой считает, что поэт «погружен в горькие покаянные воспоминания о начисто отвергаемом прошлом» (Д. Д. Благой. *Творческий путь Пушкина*. (1826—1830). М., «Сов. писатель», 1967, стр. 490).

³³ В. В. Вересаев. «Стихи неясные мои». — В кн.: В. В. Вересаев. В двух планах. М., «Недра», 1929, стр. 123—129.

«Интимность» «Воспоминания» не столько в жизненных фактах, сколько в отношении к ним. Во второй части как нигде обнажена уязвимость Пушкина, человека и поэта. Муки, которые он обречен испытывать в среде «хладного света», соотносятся и с острым ощущением литературного одиночества. Отсутствие контакта с публикой вылилось в стихотворении горькими словами о «решеньях глупости» и «шепоте зависти». Это в значительной степени те же психологические импульсы, которые лежали в основе цикла стихов о «поэте» и «черни», но здесь они раскрыты в остро личном плане: не поэт вообще и чернь, а поэт Пушкин и общество. За год до «Воспоминания» было написано первое стихотворение из этого цикла о поэте, который «людской чуждается молвы» («Поэт»). «Воспоминание» противоречило этой декларации, свидетельствовало о ранимости Пушкина. Несколько позднее в «Ответе анониму» Пушкин объяснил, почему свою уязвимость, человеческую боль поэт не должен выносить на суд «хладного», т. е. равнодушного и безжалостного, света:

Смешон, участия кто требует у света!
Холодная [в черновике: жестокая] толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, провозительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой, —
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагосклонно кивает головой.
Постигнет ли певца незашное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье, —
«Тем лучше, — говорят любители искусств, —
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст»...

(III, 229)

«Выстраданный стих», «утрата скорбная», «изгнанье», «заточенье», «неотразимые обиды», «укоры суеты», «решенья глупости» — все это были строки свитка воспоминаний, и, не желая быть «смешным», «фигляром», обнажать раны своей души, поэт отказался от них и оставил недоработанными. В этом отказе от исповеди, от упреков обществу и друзьям, от конкретизации своих обид — первая заявка на высказанный несколько позднее гордый и дерзкий тезис: «Ты сам свой выспий суд». В сонете «Поэту» эти слова явились декларацией творческой независимости. Заключительный стих «Воспоминания» — «Но строк печальных не смываю» — это акт нравственного самосознания, стремление осознать внутренний и внешний мир в его объективной данности, умудренное зрелой мыслью и глубоко и тяжело пережитым чувством. Духовная драма поэта в творческом плане разрешена тезисом «Ты сам свой выспий суд» («Поэту» — III, 223), в этическом — словами «Но строк печальных не смы-

ваю». Психологическим пафосом «Воспоминания» является позиция человека, не закрывающего глаза на свои ошибки и прегрешения, позиция нравственного мужества. Человек, прошедший через горнило самоанализа, так же мог бы сказать о себе «останься тверд, спокоен и угрюм», как и пушкинский Поэт в ответ на нападки «толпы холодной».

Психологические комплексы, связанные с понятиями «клеветы», «хладного света», «суеты», «равнодушия», еще не раз будут встречаться в поэзии Пушкина, но уже без столь очевидного конкретного биографического наполнения, а с дополнительным значением вех, сопутствующих трудному, а с дополнительным творца. Последний раз они всплывут в заключительной строфе «Памятника»:

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Конкретные биографические реалии (литературное одиночество, журнальная травля, бытовые сплетни и политические наветы) в этой строфе переключены из плана фактического в отвлеченный. В этом особенность лирики зрелого Пушкина: общее и личное соединяются в целостном методе художественного познания.³⁴ Одним из первых шагов в этом направлении было «Воспоминание» — в том виде, как его напечатал поэт.³⁵ Два образа, обобщенный и очень личный, слились в стихотворении: не только конкретная, моя, Пушкина, жизнь с ее вполне определенными поступками, заблуждениями, ошибками, но и вообще жизнь человека, любого «смертного», в которой всегда есть заблуждения и ошибки. В то же время стихи, оставшиеся в черновике, эмоциональны и совершенны, они открывают черты характера поэта, дают ощущение его настроения, и поэтому мимо них не может пройти ни один исследователь и биограф.

³⁴ См.: Л. Я. Гинзбург. О лирике. М.—Л., «Сов. писатель», 1964, стр. 224.

³⁵ Анализ «Воспоминания» в связи с философской лирикой конца 20—30-х годов см.: Е. А. Маймин. Философская поэзия Пушкина и Любомудров.— В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. VI. М.—Л., Изд. АН СССР, 1969, стр. 101—110.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПУШКИНА
1820-1830-х
ГОДОВ**

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ
И ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД**

1974